

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

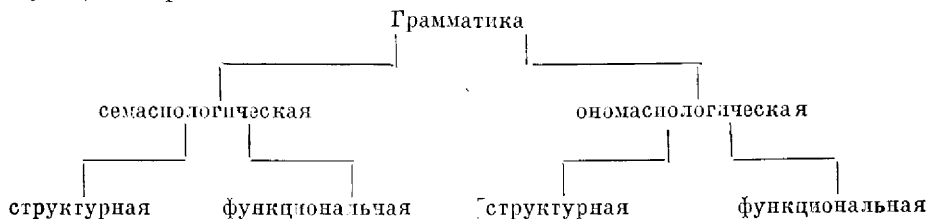
ОБЗОРЫ

ДАНИЛЕНКО В. П.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИИ ГРАММАТИКИ

Ономасиологический способ рассмотрения языковых явлений предполагает, что говорящий исходит в своей деятельности из некоторого внеязыкового содержания и переводит это содержание в языковую форму; при этом та или иная языковая форма выбирается говорящим из находящейся в его распоряжении языковой системы и преобразуется им из системно-языкового состояния в речевое (формула: «внеязыковое содержание → языковая форма/языковая система → речь»). Семасиологический подход выдвигает на первый план речевую деятельность слушающего и, следовательно, учитывает обратные переходы: «речь → языковая система/языковая форма → внеязыковое содержание». Слушающий исходит в своей деятельности из речи, на материале которой в его сознании формируется языковая система. Используя эту систему, он понимает языковую форму, передаваемую ему говорящим, т. е. соотносит ее с тем или иным внеязыковым содержанием.

Методологическая структура грамматики может быть представлена следующим образом:

Структурно-семасиологическая грамматика исследует язык с точки зрения слушающего, т. е. в направлении «речь → языковая система». Функционально-семасиологическая грамматика исследует функционирование языка с точки зрения слушающего, т. е. в направлении «языковая форма → внеязыковое содержание». Структурно-ономасиологическая грамматика исследует язык с точки зрения говорящего, т. е. в направлении «внеязыковое содержание → языковая форма». Функционально-ономасиологическая грамматика исследует функционирование языка с точки зрения говорящего, т. е. в направлении «языковая система → речь». Семасиологическая и ономасиологическая грамматики, таким образом, существуют в двух формах — структурной и функцио-

на л л н о й. Истоки семасиологической грамматики в Европе восходят к александрийской филологии. Истоки ономасиологической грамматики восходят к античной философии языка и, в особенности, к модистской грамматике XIII—XIV вв. Дифференциация семасиологических и ономасиологических исследований на структурные и функциональные приобрела более или менее отчетливую форму лишь в XX в. В это время были созданы концепции, в рамках которых на господствующее положение были выдвинуты, с одной стороны, структурный (Л. Ельмслев) и функциональный (Д. Фёрс) аспекты семасиологической грамматики, а с другой стороны, структурный (Л. Вайсгербер) и функциональный (Г. Гийом) аспекты ономасиологической грамматики.

В процессе изучения речевого материала как семасиолог, так и ономасиолог совершают «челночное» движение по отношению к форме и содержанию. Это порождает иллюзию тождества семасиологического и ономасиологического подходов к изучению языка. Укреплению скепсиса по отношению к методологической важности разграничения семасиологии и ономасиологии в XX в. способствовал структурализм. Независимо от того, о какой форме структурализма — сосюрровской, блумфилдовской, ельмслевской или якобсоновской — идет речь, в любом случае мы имеем дело со структурно-семасиологической моделью языка, поскольку в ее основе лежит изучение перехода «речь → языковая система». Эта модель, вместе с тем, содержит элементы функционально-семасиологической (план выражения → план содержания), структурно-ономасиологической (план содержания → план выражения) и функционально-ономасиологической (языковой инвариант → речевой вариант) грамматик. Структуралистская модель языка позволяет легко переходить от речи к языковой системе и обратно, от языковой формы к ее содержанию и обратно. В этом состоит ее несомненное достоинство, но в этом же состоит и ее ограниченность: степень разработанности функционально-семасиологического, структурно-ономасиологического и функционально-ономасиологического аспектов грамматики в данной модели невысока. Свойственная этой модели легкость переходов «речь ⇔ языковая система» и «языковая форма ⇔ внеязыковое содержание» способствовала укреплению мнения, согласно которому в практике конкретного лингвистического исследования разграничение семасиологического и ономасиологического подходов не имеет большого методологического значения. Нельзя, однако, забывать в этой связи, что в защиту строгого разграничения указанных подходов выступали такие языковеды XX в., как Ш. Балли, Ф. Брюно, О. Есперсен, В. Матезиус, Л. В. Щерба, а позднее — М. Докулил, В. Шмидт, В. Г. Гак, А. В. Бондарко.

Необходимость разграничения семасиологии и ономасиологии вытекает из своеобразия языковых структур, которыми пользуются говорящие и слушающие. Эти структуры не являются идентичными, поскольку говорящие обращаются к языку со стороны внеязыкового содержания, а слушающие — со стороны его формы. В процессе речевой деятельности говорящие пользуются не только содержательными, но и формальными структурами, но это не снимает принципиального различия между ними — различия в степени их протяженности. Именно потому, что в структурах первого типа фактор формального сходства между отдельными средствами языка, выражающими одну и ту же содержательную категорию, является ведущим по отношению к содержательному фактору, протяженность формальных структур оказывается меньшей, чем протяженность содержательных структур. Поясним это с помощью схемы:

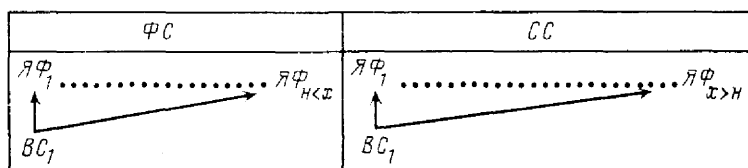

Схема показывает, что одно и то же внеязыковое содержание (BC_1) может выражаться различным числом языковых форм ($ЯФ$). В формальных структурах (ФС) их меньше ($ЯФ_{Н<Х}$), а в содержательных структурах (СС) их больше ($ЯФ_{Х>Н}$). В основе формальной и содержательной структур, вместе с тем, лежит одна и та же содержательная категория BC_1 . Эту категорию М. Докулил назвал ономасиологической [1], имея в виду ее отношение к содержательной структуре. Ее можно назвать и семасиологической, имея в виду ее отношение к формальной структуре. Так, в основе каждой из частей речи лежит определенная семасиологическая категория, поскольку при классификации слов по частям речи формальные критерии занимают ведущее положение по отношению к содержательным. Каждая часть речи представляет собою формально-морфологическую структуру. Семасиологические категории, лежащие в основе частей речи, становятся ономасиологическими, если они начинают соотноситься не только с отдельными частями речи, но сразу с несколькими из них. С содержательно-морфологическими структурами мы имеем дело при субстантивации, адъективации и т. д. Подобное соотношение формальных и содержательных структур языка наблюдается и на других уровнях языка. Так, в одну и ту же синтактико-содержательную структуру русского языка, в основе которой лежит содержание «носитель характеристики — характеристика», входит несколько синтактико-формальных структур этого языка (*Он ленив; Повреждение исправлено; Он учитель; Сын сидит голодный; Собаки кусаются*).

Научная грамматика не может игнорировать различия между формальными и содержательными структурами языка, а следовательно, не может обойтись без последовательного разграничения семасиологического и ономасиологического подходов. Цель первого из них состоит в систематизации формальных структур языка (структурный аспект семасиологической грамматики) и в изучении их функционирования в речевой деятельности слушающего (функциональный аспект семасиологической грамматики). Цель второго подхода состоит в систематизации содержательных структур языка (структурный аспект ономасиологической грамматики) и в изучении их функционирования в речевой деятельности говорящего (функциональный аспект ономасиологической грамматики).

Осознание методологической важности разграничения семасиологического и ономасиологического подходов к изучению языка началось еще в XIX в. Одним из первых к сознательному разграничению этих подходов пришел Р. Раск. Как представитель сравнительно-исторического языкознания, выдвигнувшего на первый план семасиологический подход, он относился критически к философским грамматикам XVII—XVIII вв. Характерную черту этих грамматик ученый видел в том, что на ведущее положение в них был выдвинут принцип «от мысли к средствам ее языкового выражения». Для Р. Раска этот принцип был неприемлем. Он писал: «Не мысль и ее формы, а слова, звучания и их формы вместе с отношениями или связями составляют то, чем должно заниматься учение о языке» (цит. по [2]). В отличие от Р. Раска, В. Гумбольдт признавал научную

равноценность семасиологического и ономасиологического подходов к изучению языка. Он считал, что в одном и том же исследовании необходимо использовать как тот, так и другой подходы [3, с. 383]. За необходимость ономасиологического («логического») подхода в грамматике выступал К. Беккер. Он считал, что при рассмотрении языка необходимо исходить «не только из фонетической стороны многообразных отношений звуков и словоформ, но и из логической (содержательной. — Д. В.) стороны многообразных понятий и отношений между ними» [4]. На противопоставлении семасиологического («от формы») и ономасиологического («от значения») подходов к изучению языка строил свой анализ грамматических исследований XIX в. Дж. Рис. Он выступал против эклектического смешения этих подходов в синтаксисе. «Современное состояние синтаксической литературы, — писал Дж. Рис, — может быть без преувеличения охарактеризовано как хаос, состоящий из противоречивых систем и бессистемной эклектики» [5]. Такое положение дел ученый объяснял неразличением двух противоположных методов исследования. Ученый, использующий первый из них, «исходит из значения и старается выяснить формы его выражения»; лингвист же, применяющий второй метод, «исходит из имеющихся форм и исследует их значение» [5]. Заслуга этого ученого состоит в том, что он рассматривал семасиологическую и ономасиологическую грамматики в качестве особых типов грамматики.

В первой половине XX в. на разграничение семасиологического и ономасиологического типов грамматики указывали такие известные ученые, как Ф. Брюно и В. Матезиус. Первый из них относил к числу основателей ономасиологического направления в грамматике авторов философских грамматик Нового времени, а второй связывал это направление с учением В. Гумбольдта. Семасиологическое направление в грамматике чешский ученый возводил к александрийской филологии [6]. Уже в наше время Л. Г. Бурсилл-Холлом было установлено, что ономасиологический подход к изучению языка был характерен для авторов трактатов о модусах обозначения (XIII—XIV вв.). Истоки модистской доктрины он возводил к античной философии языка [7]. На господствующее положение семасиологического и ономасиологического подходов к изучению языка в современной грамматике указывала Н. А. Слюсарева [8]. В работах А. В. Бондарко отражены основные этапы становления семасиологического и ономасиологического направлений в русской грамматике. Настало время для выделения семасиологического и ономасиологического направлений в истории грамматической науки в целом. В настоящем обзоре прослеживается судьба одного из этих направлений — ономасиологического. В истории этого направления в европейской грамматике можно выделить три больших этапа — этап зарождения (античность, средние века и эпоха Возрождения), этап становления (Новое время и XIX в.) и современный этап (XX в.).

В центре внимания греческих философов был вопрос об отношении слова к вещи. Этот вопрос решался ими в направлении «вещь → слово», т. е. в ономасиологическом направлении. Стоики использовали ономасиологический подход при изучении как слов, так и предложений. «По утверждению стоиков, — писал Секст Эмпирик, — говорить — это произносить звук, означающий представляемую вещь» [9, с. 69]. Диоген Вавилонский отмечал: «Предложение — значащий звук, исходящий из рассудка» [9, с. 69]. Ономасиологические установки, выработанные в рамках философии языка, перешли в александрийскую грамматику и развивались в рамках семасиологической грамматики, однако в ней они были подчине-

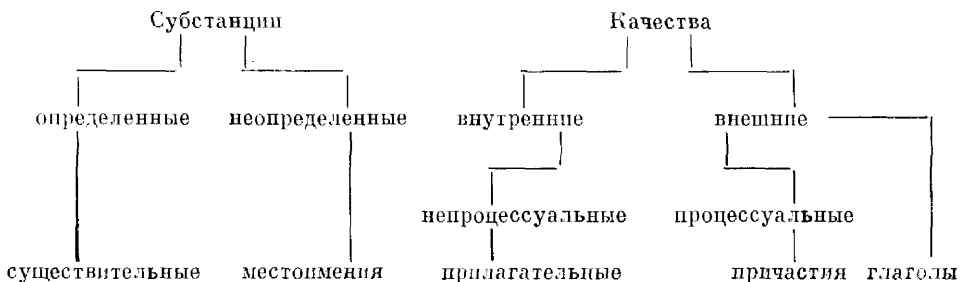
ны ее семасиологическим задачам, которые состояли в систематизации формальных структур языка и описании их функций. История семасиологического и ономасиологического направлений в языкознании проходила во взаимной зависимости их друг от друга, но зависимость последнего от первого была более сильной, чем обратная зависимость. Иначе и не могло быть: прежде, чем приступить к систематизации содержательных структур языка, необходимо располагать систематическими описаниями его формальных структур. Так, в грамматике Варрона мы находим ономасиологическую интерпретацию языковых фактов, описанных в предшествующих семасиологических исследованиях.

Ономасиологический подход у Варрона был тесно связан с диахроническим. «Как я показал в предыдущих книгах, — писал он, — речь по природе троючастна, и первая часть ее — как слова были установлены для вещей; вторая — каким образом они, отклонившись от этих последних, приобрели различия; третья — как они, разумно соединяясь между собой, выражают мысль» [9, с. 80]. У Варрона мы находим ономасиологическую интерпретацию языковых явлений и в синхроническом плане, который, впрочем, не всегда четко отграничен от диахронического. Исходя, в частности, из наличия или отсутствия категории пола, Варрон обращал внимание на несоответствие между этой категорией и регулярными средствами ее выражения в латинском языке. «Так, мужчина носит имя *Perrenna* или *Alfena*, женское по форме; и наоборот, *paries* (стена) по форме сходно с *abies* (ель), но первое из этих слов считается мужского рода, а второе — женского, тогда как по природе и то и другое среднего» [9, с. 95]. Однако в целом ономасиологический способ рассмотрения языка не получил у Варрона последовательного применения. Его морфологическая классификация, содержащая имена, глаголы, причастия и неизменяемые слова, является формальной, поскольку содержательные категории, лежащие в ее основе, остались семасиологическими: категория «отклонения от вещи» соотносится с падежными формами существительных и прилагательных, однако у этих последних значение падежа не выражает ономасиологической категории; категория времени соотносится только со спрягаемыми формами глагола; обе эти категории соотносятся также с узким формальным классом — причастиями. Широкая протяженность последней группы слов не говорит о ее принадлежности к содержательным структурам языка, поскольку в ее основе не лежит никакой ономасиологической категории.

Подлинными авторами первой ономасиологической модели языка стали грамматисты XIII—XIV вв. Опираясь на семасиологические грамматики Доната и Присциана, они осуществили ономасиологическую переориентацию традиционной семасиологической грамматики. Свои грамматики они обычно называли трактатами о модусах обозначения, поэтому их стали называть модистами. Под модусами обозначения средневековые ученые понимали способы выражения идей, которые являются результатом осознания предметов внешнего мира. Модисты считали, что грамматическому изучению языка предшествуют исследование форм бытия вещи, изучаемых метафизикой, и исследование способов понимания этих форм, изучаемых логикой. Соотнося философские категории бытия и мышления с содержательными структурами языка, они превращали эти категории в ономасиологические. К этим последним модисты приходили также и со стороны семасиологических категорий, которые они обнаруживали в грамматиках Доната и Присциана. Своего апогея модистская теория достигла в грамматике Томаса Эрфуртского [10]. Как и другие модисты,

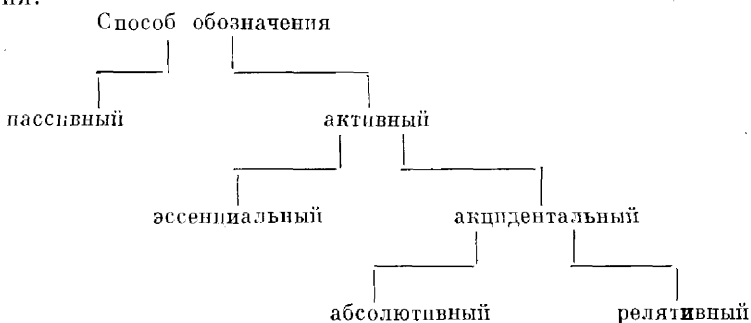
Томас подразделял грамматику на морфологию («этимологию») и синтаксис («диасинтетику»).

В области структурно-ономасиологической морфологии Томас стремился к систематизации содержательных морфологических структур языка. Ему удалось выполнить межуровневую классификацию частей речи на ономасиологической основе. Эта классификация строится на ономасиологических категориях субстанции, качества и отношения. Две первые категории выражаются изменяемыми (склоняемыми и спрягаемыми) словами, третья — неизменяемыми. Дальнейшее деление двух первых категорий может быть представлено следующим образом:

Ономасиологический характер данной классификации связан с тем, что в состав морфологических средств, объединяемых категориями субстанции, качества и внутреннего качества, входит несколько частей речи.

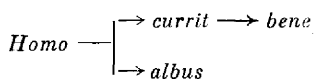
В области функционально-ономасиологической морфологии усилия Томаса Эрфуртского были направлены на объяснение операций, совершаемых говорящим в процессе употребления морфологических форм слова. Данный процесс представлен у него следующей системой модусов обозначения:

Собственно морфологическая деятельность говорящего, считал Томас, начинается с активного способа обозначения, заключающегося в выборе морфологически оформленной лексемы. Выбору этой лексемы предшествует пассивный способ обозначения, который состоит в выборе основы словоформы, которую Томас называл «дикцио». «Дикцио» — результат соединения мыслительного концепта с голосом. Мыслительный концепт как таковой является объектом логики, а голос — объектом фонетики, которую модисты исключали из грамматики. «Этимолог» обращается к изучению того момента в речевой деятельности говорящего, который связан с выбором части речи. Этот процесс Томас называл «эссенциальным» способом обозначения и подразумевал, очевидно, под ним выбор начальной формы слова. На уровне «акцидентального» способа обозначения осуще-

ствляется морфологизация части речи, выбранной в предшествующий период речевой деятельности говорящего. Процесс морфологизации, по Томасу, осуществляется посредством двух способов обозначения — абсолютного и релятивного. Посредством первого из них говорящий производит выбор тех морфологических средств языка, которые связаны с обозначением реальных свойств вещей. Таковы субстантивные флексии рода, числа и падежа и глагольные флексии залога, времени и наклонения. Посредством релятивного способа обозначения говорящий осуществляет выбор тех средств языка, которые являются результатом их согласования с абсолютными флексиями. К согласовательным Томас относил категории рода, числа и падежа у прилагательных и причастий, а также категории числа и лица у глагола. Релятивный способ обозначения у него, как видим, предполагает переход морфологической актуализации в синтаксическую.

Больших успехов модисты достигли в области функционально-ономасиологического синтаксиса. В грамматике Томаса Эрфуртского уже намечены основные стадии синтаксической актуализации — стемматическая и линейная. Томас ставил в центр синтаксической стеммы грамматический субъект («суппозитум»), подчиняя ему грамматический предикат («аппозитум»). От основных компонентов стеммы зависят их «детерминанты»: от «суппозитума» — прилагательные, от «аппозитума» — падежные формы существительных и наречия. Иерархия грамматических отношений в предложении демонстрировалась Томасом на примере предложения *Белый человек бежит хорошо*:

Томас, таким образом, был сторонником субъектоцентрической теории стеммообразования. Вопрос о порядке слов в предложении решался Томасом в связи с валентными свойствами членов предложения («конструктибилей»). Ученый различал два типа конструкций — интранзитивный и транзитивный. Конструкции первого типа начинаются с независимого члена предложения (*Socrates currit* «Сократ бежит»). Конструкции второго типа начинаются с зависимой «конструктибилией» (*Lego librum* «Читаю книгу»). В приведенном примере транзитивной конструкции на первом месте находится «аппозитум». Он зависит от суппозитума *ego* «я», который в предложении не выражен, но подразумевается.

Грамматическая доктрина модистов не получила развития в эпоху Возрождения. Еще в XIV в. мощный удар ей нанес английский философ У. Оккам. Его «бритва» была направлена в сердцевину грамматического учения модистов — его «спекулятивный» (т. е. философский) характер. У. Оккам отводил грамматике роль частной науки, которая должна заниматься изучением языка как такового. Грамматика при таком подходе теряла свою связь с философией (но, именно за счет такой связи грамматика модистов приобрела ономасиологическую перспективу). Критика грамматики модистов У. Оккамом вполне соответствовала эмпирическим установкам, характерным для грамматической науки XV—XVI вв. На господствующее положение в это время выдвинулось, как и в античности, семасиологическое направление в грамматике. Его крупными представителями стали такие ученые, как Л. Мегрэ, П. Рамус, У. Буллокар и Ф. Санкциус. Слабую оппозицию работам этих ученых составляет латинская грамматика Ю. Ц. Скалигера [11].

Используя каузальные категории Аристотеля, Скалигер попытался создать свою модель речевой деятельности говорящего. В основе этой модели лежат четыре категории — *causa materialis* «материальная причина», *causa formalis* «формальная причина», *causa efficiens* «действующая причина» и *causa finalis* «целевая причина». Эти категории разрабатывались Аристотелем как универсальные, т. е. прилагались к любому существу. Скалигер применил их к описанию речевой деятельности говорящего. Под «материальной причиной» этой деятельности он понимал материальную, звуковую сторону языка, которую склонен был отождествлять с языком как таковым. Тем самым ученый сужал структурно-ономасиологическую зону исследования в своей грамматике. Под «формальной причиной» речевой деятельности он понимал идеальную, смысловую сторону языка, которую считал объектом логики. Категория «действующей причины» связывалась Скалигером с говорящим, а категория «целевой причины» — с коммуникативной функцией языка, с рассмотрением языка в качестве средства, с помощью которого говорящий передает свои мысли слушающему. Скалигер пытался осмыслить речевую деятельность говорящего в более общем виде, чем это делали модисты. В отличие от них, он оперировал понятием языка в целом. В таком подходе к описанию речевой деятельности имеется определенное достоинство, но модель Скалигера осталась не детализованной. Отсюда ее схематический характер. В области синтаксиса, тем не менее, Скалигер наметил тот путь, по которому пошли в дальнейшем авторы грамматики Пор-Рояля. Он соотносил предложение с суждением. Основную функцию глагола при этом он видел в том, что эта часть речи выступает в предложении-суждении в роли связки. Анализируя предложение *Caesar est clemens* «Цезарь (есть) снисходителен», Скалигер указывал на то, что глагол *est* выступает здесь в своей собственно глагольной функции — в функции предикативной связки.

Становление ономасиологического направления в грамматике было связано в Европе с грамматикой Пор-Рояля [12]. А. Арно и К. Лансло стремились объяснить «рациональные начала», лежащие в основе языка. Рационализм был характерен для научного мышления многих ученых Нового времени, что объяснялось прежде всего влиянием на них философии Р. Декарта. Авторам грамматики Пор-Рояля была близка нормативистская позиция, которую Р. Декарт занимал в гносеологии. Через всю теорию познания французского философа проходит мысль: «для успеха в познании мало иметь хороший ум, надо еще уметь его правильно применить». Для А. Арно и К. Лансло из этой мысли следовал вывод: «правильное применение ума невозможно без правильного пользования языком». Они определяли грамматику как «искусство говорить» [12, с. 1]. Нормативизм не был единственной установкой, которая сближала авторов грамматики Пор-Рояля с Р. Декартом. Им был близок также и дедуктивизм Р. Декарта. Их грамматическая теория имеет явную дедуктивную направленность. В основе этой теории лежит традиционное положение о том, что все люди мыслят одинаково, а следовательно, в любом языке должны быть средства, служащие для выражения хода их мыслей, их суждений. Лингвистические универсалии выводились ими из логических универсалий. Как те, так и другие составили дедуктивную основу их грамматической концепции.

Важнейшей чертой картезианской философии является антропоцентризм. В основе этой философии, как известно, лежит знаменитое *Cogito, ergo sum*. В центре внимания Р. Декарта был мыслящий человек.

Антропоцентрической является и грамматика Пор-Рояля. В центре внимания ее авторов был говорящий человек, что свидетельствует об ономаσιологической направленности их грамматики. Ориентация А. Арно и К. Лансло на точку зрения говорящего сказалась на субъективации, или рационализации, ономаσιологических категорий, из которых они исходили в своей грамматике. Субъективный момент в этих категориях связан со степенью зависимости их содержания от точки зрения говорящего на те или иные явления действительности, которые отражаются в данных категориях. В качестве основных в грамматике Пор-Рояля выступают по существу те же ономаσιологические категории, что и у модистов, — категории субстанции, качества и отношения. Но А. Арно и К. Лансло внесли в них субъективный момент, т. е. перевели их из плана объективной действительности в план мышления. Тем самым они превратили данные категории в ономаσιологические категории предмета мысли (субъекта), его атрибута (предиката) и связи между ними. Это позволяло французским ученым интерпретировать категории субстанции, качества и отношения с точки зрения тех операций, которые совершает говорящий в процессе суждения (указанные операции учитывались ими не только в синтаксисе, но и в морфологии). На доминирующее положение в последнем из этих разделов грамматики у них выдвинут структурно-ономаσιологический аспект, а в первом — функционально-ономаσιологический.

В своей классификации частей речи авторы грамматики Пор-Рояля стремились исходить из структуры суждения. Основными членами суждения они считали субъект, атрибут и связку. Субъект суждения называет тот предмет, в отношении которого что-либо утверждается или отрицается, а атрибут указывает на то или иное качество субъекта суждения, которое приписывается ему с помощью связки. В предложении *La terre est ronde* «Земля является круглой» *la terre* — субъект, *ronde* — атрибут и *est* — связка. Исходя из структуры суждения, авторы грамматики Пор-Рояля отграничивали друг от друга существительные и местоимения (они выступают в суждении в роли субъекта), прилагательные и причастия (они выступают в суждении в роли атрибута) и глаголы. Основную роль в суждении А. Арно и К. Лансло отводили глаголу-связке «быть», называя его субстантивным в отличие от остальных глаголов — адъективных, выступающих в суждении не только в роли связки, но и атрибута. Это обстоятельство позволяло А. Арно и К. Лансло устанавливать синонимические отношения между предложениями *Pierre vit* «Пьер живет» и *Pierre est vivant* «Пьер жив». Другие части речи — кроме существительных, местоимений, прилагательных, причастий и глаголов — авторы грамматики Пор-Рояля стремились группировать вокруг частей речи, которые непосредственно соотносятся с членами суждения. Предлоги и артикли они подключали к существительным, наречия — к глаголам. Такого рода классификации частей речи не могут быть признаны собственно морфологическими: в основе их лежат категории, выводимые из функций членов предложения, а не частей речи. Синтаксоцентрический подход к классификации частей речи стирает границу между морфологией и синтаксисом.

А. Арно и К. Лансло подразделяли синтаксис на два раздела. Первый из них был посвящен объяснению согласования и управления. Интерпретация этих синтаксических связей в их грамматике свидетельствует о том, что ее авторы, как и модисты, исходили из субъектоцентрической теории стеммообразования. Второй раздел синтаксиса в анализируемой грамматике посвящен объяснению синтаксических «фигур», под

которыми А. Арно и К. Лансло понимали аномальные явления в синтаксисе. Они относили к ним, вслед за Ф. Санкциусом, силлепсис, эллипсис, плеоназм и гипербат (инверсию) [12, р. 208]. Инверсию они усматривали в тех случаях, когда при установлении порядка слов в предложении говорящий не следует за естественным ходом мыслей, т. е. не ставит сказуемое или определение после подлежащего, а дополнение — после сказуемого. Два периода синтаксической актуализации — стемматический и линейный — были намечены у авторов грамматики Пор-Рояля в еще недостаточно четкой форме.

Среди последователей авторов грамматики Пор-Рояля были не только популяризаторы этой грамматики (М. Ресто, А. Сильвестр де Саси или Р. Сикар [13—15]). Среди них были и оригинальные ученые. Остановимся здесь на анализе структурно-ономасиологического аспекта морфологии в грамматике Н. Бозэ [16] и функционально-ономасиологического аспекта синтаксиса в грамматике Ц. Дюмарсе [17].

Все части речи Н. Бозэ подразделял на «аффективы» (междометия) и «дискурсивы». Первые из них выражают чувства, а вторые служат для анализа и выражения мыслей. Дискурсивы ученый членил на склоняемые и несклоняемые части речи. Под это формальное членение он подводил содержательное основание. Склоняемые части речи характеризовались им как слова, которые своими окончаниями передают значения единичности или множественности, т. е. обладают морфологической категорией числа, а несклоняемые части речи он описывал как слова, которые данной категорией не обладают. К несклоняемым частям речи Н. Бозэ относил «супплетивы» и союзы. Супплетивы включают предлоги и наречия. Их объединяет функция смыслового «дополнения»: предлоги конкретизируют (дополняют) смысл существительных и местоимений, а наречия уточняют (дополняют) смысл глаголов в предложении. Союзы же служат для выражения различных отношений, в которых находятся те или иные явления действительности, описываемые либо отдельными членами предложения, либо целыми предложениями. К склоняемым частям речи Н. Бозэ относил «детерминативы», куда он включал существительные и субстантивные местоимения, и «индетерминативы», в состав которых включались глаголы и прилагательные (артикли и причастия Н. Бозэ относил к прилагательным). Разграничение детерминативов и индетерминативов проводилось им на том основании, что первые обозначают определенные явления, а вторые — неопределенные. Он писал: «Детерминативами являются слова, которые представляют в сознании определенные явления... Существительные обозначают определенные явления через идею их природы, местоимения же обозначают их через идею их отношения к лицу в акте речи. Индетерминативы являются словами, которые представляют в сознании неопределенные явления... Прилагательные обозначают неопределенные явления через определенную, но случайную для субстанций идею; эти явления обычно выражаются именами нарицательными, к которым они (прилагательные. — Д. В.) присоединяются; глаголы обозначают неопределенные явления через определенную идею интеллектуального существования, имеющую отношение к атрибуту (*avec relation à un attribut*)» [16, II, с. 95]. Как видим, синтаксическая тенденция в данной классификации связана лишь с интерпретацией глагола, однако в основе своей она является собственно морфологической. К сожалению, содержание таких категорий, как определенность и неопределенность явления или идеи, не объяснено у Н. Бозэ с достаточной четкостью. Остается неясным, по-

чему прилагательные и глаголы обозначают неопределенные явления через определенные идеи. Очевидно, говоря об этом, ученый имел в виду случайный, преходящий характер качеств и действий по отношению к субстанциям, а под определенностью идей, которые их отражают, он подразумевал их отнесенность к определенным субстанциям в конкретных речевых ситуациях.

Термин «синтаксис» Ц. Дюмарсе употреблял в узком смысле — только по отношению к тому состоянию создаваемого предложения, которое мы называем вслед за Л. Тенбером «стеммой» [18]. Линейное состояние создаваемого предложения Ц. Дюмарсе называл «конструкцией». Объясняя различие между стеммой («синтаксисом») предложения и линейными вариантами одной и той же синтаксической стеммы («конструкциями»), он указывал, что в предложениях *Accepi litteras tuas* «Я получил твое письмо», *Litteras accepi tuas* и *Tuas accepi litteras* мы имеем дело с тремя различными конструкциями, поскольку здесь представлены три различных расположения слов, хотя «синтаксис» в них один и тот же. «Синтаксические» отношения, таким образом, он мыслил как отношения зависимости, которая существует между членами создаваемого предложения. Три конструкции, приведенные выше, реализуют одну и ту же стемму, которую Ц. Дюмарсе описывал в такой последовательности: *Accepi* → *litteras* → *tuas*. Тот факт, что «синтаксис» у Ц. Дюмарсе предшествует «конструкции», свидетельствует об ономаσιологической перспективе его функционального синтаксиса. Отношения, существующие между двумя — стемматическим и линейным — периодами синтаксической актуализации, он представил в своей грамматике в более эксплицированном виде, чем это сделано в грамматике Пор-Рояля.

В качестве основного варианта синтаксической стеммы Ц. Дюмарсе рассматривал конструкции с прямым порядком слов. Он считал, что при установлении этого порядка говорящий следует за естественным ходом вещей. Вот почему и сам этот порядок он называл «естественным». Естественно, полагал он, что следствие идет за причиной, качество — за субстанцией, а пациенс — за агенсом. Естественный порядок отражает естественный ход вещей. Он отражен в таких предложениях, как *Le soleil est lumineux* «Солнце является ярким», *Dieu a créé le monde* «Бог сотворил мир» и т. п. [17, с. 245]. Фактор «природы» отнесен у Ц. Дюмарсе к синтаксическому периоду фразообразования, тогда как на самом деле он действует в его «лексический» период — в тот период, когда говорящий отбирает лексемы для создаваемого предложения. Это привело Ц. Дюмарсе к неверному истолкованию активных и пассивных конструкций. В противовес собственному определению «синтаксических» отношений в предложении он рассматривал эти конструкции как варианты одной и той же стеммы предложения. Так, различие между предложениями *August vainquit Antoine* «Август победил Антония» и *Antoine fut vaincu par Auguste* «Антоний был побежден Августом» он объяснял с точки зрения «естественного» фактора словорасположения: актив интерпретировался как конструкция с «естественным» словопорядком (агенс — пациенс), а пассив — как конструкция с «фигуративным» (т. е. обратным) словопорядком (пациенс — агенс) [17, с. 245]. В понятие стеммы предложения при таком подходе включается понятие синтактико-содержательной структуры. Иначе говоря, структурно-ономаσιологический синтаксис сливается в этом случае с функционально-ономаσιологическим синтаксисом.

Появление инвертированных конструкций в речи говорящих Ц. Дюмарсе не связывал с передачей какого-либо смысла, что вызвало протест

со стороны Ш. Бато, который в полемике с Ц. Дюмарсэ пришел во второй половине XVIII в. к основным понятиям актуального членения предложения [19]. Прямой словопорядок Ш. Бато называл «грамматическим», а обратный — «ораторским». Объясняя разницу между ними, он сравнивал предложения *Alexander vicit Darium* «Александр победил Дария» и *Darium vicit Alexander* «Дария победил Александр». В результате он пришел к выводу, что указанные предложения нельзя отождествлять в смысловом отношении, как это делал Ц. Дюмарсэ. Инвертированный порядок во втором предложении, указывал Ш. Бато, не является механическим преобразованием прямого словопорядка, а связан с передачей определенного смысла — дополнительного к тому, который передается с помощью «грамматического» словорасположения. Он свидетельствует, что Дарий в данном случае стоял в центре «интересов» и внимания говорящего. «Порядок, который я называю ораторским, — писал Ш. Бато, — представляет собою такой порядок, который обусловлен интересом или точкой зрения того, кто говорит» [19, с. 14].

В XIX в., как и в эпоху Возрождения, на лидирующее положение выдвинулось семасиологическое направление в грамматике, что было связано с бурным развитием в это время сравнительно-исторического языкознания. Наиболее крупным представителем ономасиологической линии в языкознании в этот период стал В. Гумбольдт. Его учение о двух формах существования языка, названных *ἔργον* и *ἐνέργεια*, способствовало дифференциации понятий «языковая система», «речевая деятельность» и «речь». Вопрос о соотношении этих понятий решался немецким ученым в ономасиологическом направлении. «Если язык, — писал он, — представлять в виде особого и объективировавшегося самого по себе мира, который человек создает из впечатлений, получаемых от внешней действительности, то слова образуют в этом мире отдельные предметы, отличающиеся индивидуальным характером также и в отношении формы. Речь течет непрерывным потоком, и говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей» [20, с. 90]. В этих словах В. Гумбольдта мы находим по существу сжатое описание ономасиологической модели языка, учитывающей ее структурный и функциональный аспекты. Однако на ведущее положение В. Гумбольдт выдвинул в своей концепции первый из этих аспектов.

Ономасиологическая концепция В. Гумбольдта является этноцентрической. Немецкий ученый сосредоточил свое внимание на выявлении субъективного момента в ономасиологических категориях, но не в связи с речевой деятельностью говорящего, как это было у А. Арно и К. Лансло, а в связи с соотносением данных категорий с языковой системой как таковой. При этом он обращал внимание на то, что различные языки выражают одни и те же содержательные категории по-разному, имея в виду не только звуковую сторону языка, но и его «внутреннюю форму», т. е. систему особых способов, посредством которых язык выражает те или иные категории. Так, В. Гумбольдт обращал внимание на то, что категория наклонения получила в греческом языке более развитую «внутреннюю форму», нежели в санскрите, где средства выражения данной категории, по его мнению, недостаточно четко отграничены от средств выражения категории времени [20, с. 101].

К выявлению ономасиологических категорий В. Гумбольдт шел семасиологическим путем. Так, отправляясь от различных средств выражения категории двойственного числа и обращая внимание на семантическое варьирование этой категории в разных языках, ученый выде-

лил три типа ономаσιологических субкатегорий двойственного числа: 1) имеющие отношение к лицу, 2) связанные с природно парными явлениями, 3) содержащие «общее понятие двойчности» [3, с. 392]. Исходя из данных категорий, В. Гумбольдт разбил языки на три группы: 1) языки, в которых средства выражения двойственного числа ограничиваются местоимениями; 2) языки, в которых двойственное число выражается именами; 3) языки, в которых двойственное число «распространяется на весь язык» [3, с. 393]. Собственно ономаσιологический подход к выявлению ономаσιологических категорий (от «чистых понятий») В. Гумбольдт считал вспомогательным по отношению к семасиологическому. Он писал: «Что же касается самой формы, то при таком (семасиологическом. — *Д. В.*) подходе реальное ее употребление противопоставляется тому, которое можно вывести из ее чистого понятия, а это предостерегает от того одностороннего стремления к системности, которому неизбежно подвержен исследователь, желающий определить законы реально существующих языков исходя из абстрактных понятий. Как раз за счет того, что рекомендуемая здесь практика преследует как можно более полное освещение фактов, но неизбежно сочетает с ним и обращение к чистым понятиям, чтобы внести единство в многообразие и выбрать правильную исходную основу для наблюдения и оценки отдельных различий, она избегает опасности, которая иначе равным образом грозит сравнительному языкознанию как со стороны исключительного предпочтения исторического (семасиологического. — *Д. В.*) пути, так и философского (ономаσιологического. — *Д. В.*)» [3, с. 382—383]. Ведущее положение семасиологического подхода при выявлении ономаσιологических категорий по отношению к собственно ономаσιологическому было связано у В. Гумбольдта с его вниманием к структурно-семантическим различиям между языками.

Источник языкового своеобразия В. Гумбольдт видел в конечном счете не в объектах описываемой действительности, а в особом отношении к ним со стороны народа, говорящего на данном языке, задача исследователя состоит в том, чтобы показать, как отразилась в структуре того или иного языка особая точка зрения на мир, присущая определенному народу. С этих позиций ученый подходил к вопросу о классификации языков. Цель этой классификации он видел в том, чтобы показать своеобразие содержательных, а не формальных структур того или иного типа языка. Его классификация языков была направлена на выполнение ономаσιологических, а не семасиологических задач. «Через описание формы, — указывал В. Гумбольдт, — мы должны установить тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке» [20, с. 73]. Ономаσιологическую перспективу гумбольдтовской классификации языков трудно установить, поскольку в ее основе нет определенных содержательных категорий. Автор этой классификации как бы остановился в самом начале своего пути к подлинно ономаσιологической типологии, опирающейся на определенные ономаσιологические категории (примером такой типологии в наше время является синтаксическая типология И. И. Мещанинова). Однако в теоретическом отношении В. Гумбольдт представил ономаσιологическую интерпретацию своей морфологической классификации языков, призванной показать, «какие внутренние духовные потребности вызывают ее (классификацию. — *Д. В.*) к жизни, как она воплощается в звуковой форме и насколько эти потребности удовлетворяются подобным звуковым воплощением» [20, с. 118]. Чрезвычайно абстрактный характер критериев, отграничивающих в анализируемой классификации один тип языка от другого, не позволил

В. Гумбольдту положить в основу этой классификации определенные ономаσιологические категории. В основе его классификации лежит внеязыковое содержание вообще.

А. Вейль, в отличие от В. Гумбольдта, в своей работе о порядке слов [21] выдвинул на передний план функциональный аспект ономаσιологической грамматики. Опираясь на идеи Ш. Бато, он заложил основы учения об актуальном членении предложения. Цель этого учения французский ученый видел в том, чтобы показать, что принцип актуального членения является главным принципом словопорядка. Основные понятия актуального членения («отправной пункт» или «исходное понятие» и «собственно высказывание» или «цель высказывания») А. Вейль пояснял на примере различных способов актуального членения предложения *Romulus condidit Romam* «Ромул основал Рим». Если говорящий принимает Ромула за отправной пункт высказывания, он может использовать словопорядок *Romulus Romam condidit*, где собственно высказывание составляют дополнение и сказуемое. Если же за отправной пункт высказывания говорящий принимает Рим, он может использовать словопорядок *Romam condidit Romulus*, где собственно высказывание составляют сказуемое и подлежащее. «Мы имеем здесь дело, таким образом,— писал А. Вейль,— с отправным пунктом, исходным понятием, которое одинаково представлено и тому, кто говорит, и тому, кто слушает, и которое выступает как место встречи двух сознаний, и с другой частью высказывания, которая образует собственно высказывание» [21, с. 24]. Поскольку в основе предложений, имеющих различное актуальное членение, лежит одна и та же ситуация, говорящий использует в них одни и те же члены предложения. Различные условия общения в конкретных актах речи детерминируют выбор говорящим особого способа актуального членения, который свидетельствует об особом движении его мысли и, следовательно, об особом порядке слов в предложении. «Синтаксис (грамматическое членение предложения. — Д. В.),— писал А. Вейль,— есть образ чувственного факта. Порядок слов... есть образ движения мысли» [21, с. 24]. А. Вейль, как видим, вплотную приблизился к современным представлениям об актуальном членении предложения и его роли в акте синтаксической линейаризации. Уже этот факт свидетельствует об успехах, которых достигли грамматисты XIX в. в области ономаσιологической грамматики. Однако больших успехов в этом время достигли и представители семасиологического направления в европейской грамматике. Его ведущими представителями на рубеже XIX—XX вв. стали младограмматики. Их научный авторитет однако, был основательно поколеблен в начале XX в. Ф. де Соссюром. Он считал, что чрезмерное увлечение диахронией привело младограмматиков к утрате подлинного объекта лингвистики — языковой системы как таковой. Но Ф. де Соссюр не затрагивал семасиологических установок младограмматической доктрины. Концепция швейцарского ученого, таким образом, не могла способствовать возрождению интереса к ономаσιологической грамматике в этот период. Понятно, что тот, кто в этих условиях стал заниматься разработкой ономаσιологической грамматики, не мог не осознавать себя новатором. Новаторскими были грамматические теории таких выдающихся представителей ономаσιологического направления в грамматике первой половины XX в., как Ш. Балли, Ф. Брюно, О. Эсперсен, В. Матезиус и Г. Гийом. Ономаσιологическая грамматика представляется «новой» и в настоящее время, поскольку ее принципы разработаны в значительно меньшей степени, чем основы семасиологической грамматики.

Анализ концепций, принадлежащих к ономасиологическому направлению в грамматике XX в., показывает, что в его рамках можно выделить три тенденции: структурную, функциональную и структурно-функциональную. Представители первой тенденции — Ф. Брюно и Л. Вайсгербер. Их грамматики являются структурно-ономасиологическими. Представитель второй тенденции — Г. Гийом. Его грамматика является функционально-ономасиологической. Представителями третьей тенденции были О. Есперсен, Ш. Балли и В. Матезиус. Их грамматики следует признать не только структурно-ономасиологическими, но и функционально-ономасиологическими (сюда же относится и ономасиологический синтаксис Л. Теньера). Ф. Брюно, О. Есперсен, В. Матезиус и Ш. Балли могут быть названы основателями современной ономасиологической грамматики. Каждый из этих исследователей, однако, шел к этой грамматике своим путем. Еще в 1909 г. Ш. Балли писал: «Итак, единственно рациональный метод состоит в том, чтобы брать за исходную точку логические категории и отношения, которые живут в сознании всех носителей данного языка, с целью определить средства, которые язык предоставляет в распоряжение говорящих для выражения каждого из этих понятий, категорий и отношений» [22, с. 296]. Объясняя специфику подхода, используемого в его книге «Мысль и язык», Ф. Брюно писал «Эта книга не является „психологией“ ... Она не является также и „грамматикой“ ... Я хотел бы только представить в ней методическое изложение фактов мысли, рассматриваемых и классифицируемых в отношении к языку и средствам выражения, которые им соответствуют» [23, VII]. Ф. Брюно, как видим, был очень осторожен в утверждении ономасиологического подхода в грамматике. Этим объясняется его отказ от термина «грамматика». Как ни странно, но именно этим вызваны и такие его слова: «Пусть читатели не удивляются, что я иду от мысли к формам ее выражения в языке. Возврат к идеологической (ономасиологической. — Д. В.) грамматике XVIII в. меня совсем не пугает» [23, с. XIX]. Различие между семасиологическим подходом к изучению языка и ономасиологическим О. Есперсен объяснял следующим образом: «Любое языковое явление можно рассматривать либо извне, либо изнутри, исходя из его внешней формы или из его внутреннего значения. В первом случае мы начинаем со звучания слова или какой-либо иной части языкового выражения, а затем переходим к значению, связанному с ним. Во втором случае мы отправляемся от значения и задаем себе вопрос, какое формальное выражение это значение находит в данном конкретном языке» [24]. В историко-научном плане описывал разницу между семасиологическим и ономасиологическим подходами в грамматике В. Матезиус: «Традиционный метод лингвистического исследования может быть назван формальным в том смысле, что форма как вещь известная постоянно бралась за отправной пункт исследования, тогда как значение, или функция, формы рассматривалось как то, что должно быть обнаружено. Это явилось естественным следствием из факта, что филология долгое время основывалась, главным образом, на интерпретации старых текстов и, следовательно, делала точку зрения читающего своей собственной. Перенесенный в реальную жизнь формальный метод совпадал с методом слушающего... В противоположность традиционной интерпретации форм, современная лингвистика принимает значение, или функцию, за свой отправной пункт и пытается обнаружить, какими средствами оно выражено. Это и есть точка зрения говорящего или пишущего, который должен находить языковые формы для того, что он хочет выразить» [25, с. 12].

Не отрицая необходимости семасиологической грамматики, Ф. Брюно, однако, считал, что настало время для нового типа грамматики. Цель новой — «идеологической» — грамматики он видел в том, чтобы систематизировать выразительные средства языка на ономасиологической основе, т. е. отправляясь от определенных ономасиологических категорий. Каждая категория при этом должна выступать в качестве основы для объединения разноуровневых средств языка — словообразовательных, лексических, морфологических и синтаксических. Новизна структурно-ономасиологической грамматики Ф. Брюно именно в том и состояла, что в состав содержательных структур языка ее автор стал включать единицы различных языковых уровней, тогда как представители традиционной ономасиологической грамматики ограничивали состав той или иной содержательной структуры языка единицами определенного уровня. Вот почему эта грамматика имела ту же дисциплинарную структуру, что и семасиологическая грамматика. Дисциплинарная структура представлена в большей части и современных ономасиологических исследований. Традиционная ономасиологическая грамматика может быть названа грамматикой стратификационного типа, или грамматикой с эксплицитной дисциплинарной структурой. Ф. Брюно положил начало ономасиологической грамматике межуровневого типа, или грамматике с имплицитной дисциплинарной структурой. Грамматики этого типа имеют в настоящее время широкое применение в практике преподавания иностранных языков. Так, в [26] представлено описание разноуровневых средств языка, служащих для выражения таких категорий, как время, условие, цель и т. д. В теоретическом плане над ономасиологической грамматикой межуровневого типа у нас работает А. В. Бондарко со своими сотрудниками. Он исходит из положения о том, что для выражения одной и той же ономасиологической («семантической») категории в реальном речевом акте говорящий может использовать единицы, принадлежащие к разным уровням языка. «В конкретном акте речи, — писал А. В. Бондарко, — морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические элементы переплетаются и взаимодействуют, включаясь в выражение смысла высказывания» [27] Принцип дисциплинарности при таком подходе не игнорируется полностью. Межуровневая ономасиологическая грамматика имеет имплицитную дисциплинарную структуру потому, что, во-первых, языковые средства, служащие для выражения определенной категории в ней, маркируются с точки зрения их принадлежности к тому или иному уровню языка, а во-вторых, эти средства упорядочиваются в соответствии с определенным принципом. У А. В. Бондарко это принцип центра и периферии функционально-семантического поля. Одно поле объединяет разноуровневые средства языка, однако в центре этого поля — в зависимости от типа ономасиологической категории, лежащей в его основе, — могут находиться языковые средства определенного уровня — морфологического, синтаксического и т. д. В одной из своих последних статей А. В. Бондарко охарактеризовал грамматики с эксплицитной дисциплинарной структурой как «системно-дифференцирующие», а грамматики с имплицитной дисциплинарной структурой — как «системно-интегрирующие» [28].

Ф. Брюно считал, что в философских грамматиках нового времени «идеологический» принцип не был проведен до конца. Эту задачу он поставил перед собой при написании книги «Мысль и язык». В основу его структурно-ономасиологической грамматики межуровневого типа положено пять содержательных зон: предметы, события, обстоятельства, ха-

рактистические и отношения. Внутреннее членение этих зон Ф. Брюно производил, как правило, на семасиологической основе, однако изложение материала проводилось им не по разделам грамматики, а по указанным зонам. В результате этого грамматика Ф. Брюно воспринимается как «чисто» ономасиологическая. Изложение грамматики на основе содержательных категорий не означает, что автор такой грамматики выделяет данные категории безотносительно к языку. Легко увидеть, что различные виды «отношений» выводились Ф. Брюно из синтаксиса: «предметы» — из существительных, «события» — из глаголов, «обстоятельства» — из наречий, «характеристики» — из прилагательных. «Мы вновь находим, таким образом, — писал Л. Кледа, — те самые „части речи“, которые автор „Мысли и языка“ так энергично критиковал во введении» (цит. по [29]). Л. Кледа не принял новый — межуровневый — тип ономасиологической грамматики. Его смущало отсутствие в грамматике Ф. Брюно четкой дисциплинарной структуры. С этих же позиций критиковал Ф. Брюно и В. Матезиус [25, с. 12]. Нечто подобное мы наблюдаем и в подходе В. Г. Гака к грамматической теории А. В. Бондарко. «В этом случае (в случае отказа от принципа дисциплинарности в ономасиологической грамматике. — Д. В.), — пишет В. Г. Гак, — грамматика перестает быть грамматикой в собственном смысле термина и превращается в функционально-ономасиологическое описание языка» [30]. Ономасиологическая грамматика с эксплицитной дисциплинарной структурой, на наш взгляд, не является единственным вариантом этой грамматики. Другим ее вариантом является грамматика с имплицитной дисциплинарной структурой.

Если грамматика Ф. Брюно представляет собою структурно-ономасиологическую грамматику межуровневого типа, то грамматика Л. Вайсгербера является структурно-ономасиологической грамматикой стратификационного типа. Ее автор выделял три направления в истории грамматики — ориентированное на звуки (*lautbezogen*), ориентированное на (языковое) содержание (*inhaltbezogen*), ориентированное на вещи (*sachbezogen*). Два последних направления он резко отграничивал друг от друга, хотя и расценивал их как ономасиологические и противопоставлял на этом основании первому, которое связывал с традиционной семасиологической грамматикой. Направление, ориентированное на содержание, Л. Вайсгербер возводил к учению В. Гумбольдта, а направление, ориентированное на вещи, обычно анализировал на примере лексической ономасиологии Г. Шухардта и идеографического словаря Ф. Дорнзайфа, хотя истоки этого направления он усматривал еще у Аристотеля. Разницу между данными направлениями Л. Вайсгербер видел в том, что направление, ориентированное на вещи, подходит к языковым структурам со стороны объективного мира, а направление, ориентированное на содержание, исследует эти структуры, исходя из языкового содержания как такового. Свою заслугу ученый видел в последовательном развитии гумбольдтовской концепции языка. В грамматике, ориентированной на звуки, Л. Вайсгербер усматривал предварительное условие для построения грамматики, ориентированной на содержание. Вот почему он включил ее в свою четырехступенчатую систему грамматики [31]. Кроме «*inhaltbezogene Grammatik*», сюда вошли также когнитивная (*leistungbezogene*) и прагматическая (*wirkungbezogene*) грамматики, необходимость разработки которых он выводил из гумбольдтовского учения о языке как *évéryez*, тогда как грамматику, ориентированную на содержание, связывал с учением В. Гумбольдта о языке как *érvov*.

Подход, ориентированный на вещи, расценивался Л. Вайсгербером

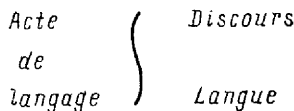
в качестве вспомогательного по отношению к другим подходам, однако возможности этого подхода он считал ограниченными. «Словарь, ориентированный на содержание,— писал он,— должен размещать слова так, чтобы они соотносились друг с другом по содержанию, описываемые формы при этом принимают порядок, который может быть осознан как содержательный. Определенную помощь в этом может оказать подход, ориентированный на вещи, с помощью которого мы легко сведем друг с другом „один“ и „два“ или „отец“ и „мать“, однако границы его применения обнаруживаются очень скоро...» [32]. Эти границы, по мнению Л. Вайсгербера, связаны с тем, что с помощью данного подхода можно наметить лишь предварительную языковую картину мира, но ее национальное своеобразие в данном языке обнаруживается только на семасиологической основе, т. е. исходя из языка как такового. В определении национального своеобразия содержательных структур языка Л. Вайсгербер видел высшую цель своей грамматики. Эта цель не может быть достигнута, поскольку содержательные структуры языка в любом случае соотносятся со структурной объективной действительности, но стремление к ней не могло не отразиться на своеобразии его грамматики, ориентированной на содержание. Эта грамматика является структурно-ономасиологической в своей основе. Сосредоточенность на языковой системе как таковой привела Л. Вайсгербера к абсолютизации структурного аспекта ономасиологической грамматики. Грамматика, ориентированная на содержание, не имеет функциональной перспективы [33].

Л. Вайсгербер довел до логического предела этноцентрическую ориентацию ономасиологической модели языка. Подобно В. Гумбольдту он сосредоточил свое внимание на выявлении субъективного («мировоззренческого») компонента в содержательных категориях, но обнаруживал он этот компонент в абстракции от речевой деятельности говорящего, направленной на создание предложения. Это привело Л. Вайсгербера к «полевой» теории содержательных структур. Принципы поля при этом распространялся на все языковые уровни в равной мере. В качестве эталона в грамматике Л. Вайсгербера выступает идеография. Следует в связи с этим отметить, что организация лексического материала по семантическим полям связана с речевой деятельностью говорящего в меньшей мере, чем организация словообразовательного, морфологического и синтаксического материала, поскольку лексические единицы соотносятся с объектами внешнего мира более непосредственно, чем единицы других уровней языка. Это значит, что роль принципа поля в словообразовании, морфологии и синтаксисе должна быть в большей мере ограниченной, чем в лексикологии. Еще Я. Розвадовский показал, что словообразовательная и синтаксическая деятельность говорящего начинается с категорий предмета мысли и его признака [34]. Отсюда следует, что систематизация словообразовательных и синтаксических структур в ономасиологической грамматике должна производиться сначала на основе данных категорий и только затем на «полевой» основе. Подобным образом, очевидно, следует подходить и к классификации содержательных структур в морфологии, поскольку отбор морфологических форм в процессе создания предложения зависит от порядка установления в нем грамматических отношений. Деятельностный критерий иерархизации ономасиологических категорий, а вслед за ними и содержательных структур в словообразовании, морфологии и синтаксисе опережает «полевой» критерий.

Преувеличение роли принципа поля привело Л. Вайсгербера к теоретическим рассуждениям о равном значении этого принципа для

всех типов содержательных структур. Однако практическая часть его грамматики сводится к демонстрации национального своеобразия языковых структур немецкого языка в первую очередь в области лексикологии (главным образом на материале цветообозначений), а также в словообразовании (на материале поля орнативности), в морфологии (главным образом на материале глагольных и падежных форм) и в синтаксисе, где он сопоставлял формальные и содержательные типы предложений. Подобные примеры должны были подтвердить своеобразие системы немецкого языка в целом. Главный источник этого своеобразия Л. Вайсгербер видел не во внешнем мире, а в отношении к нему говорящих. Своеобразие языка, с его точки зрения, отражается в языковом сознании говорящих. В результате этого язык выступает в познавательной и практической деятельности человека как «действующая сила». Воздействие языка на познавательную деятельность изучается когнитивной грамматикой. Воздействие языка на практическую деятельность изучается прагматической грамматикой. На этом замыкается четырехступенчатая система грамматического описания языка в целом. Таким образом, функционально-ономасиологическая грамматика выпадает из системы Л. Вайсгербера.

В грамматической теории Г. Гийома, напротив, функциональный аспект ономасиологической грамматики заслоняет собою ее структурный аспект. Свою главную задачу Г. Гийом видел в том, чтобы описать механизм перехода языка в речь («дискурс»). Если идеал Ф. де Соссюра состоял в том, чтобы рассматривать языковую систему вне перехода в речь, то идеал Г. Гийома состоял в том, чтобы все языковые явления объяснить сквозь призму этого перехода. Г. Гийома не устраивала «расплывчатость» соссюрковского понятия «речь», поэтому он заменил его более конкретным понятием «дискурса» (фразы). Переход языка (*langue*) в дискурс (*discours*) он назвал актом речевой деятельности (*acte de langage*). Этот акт и лежит в основе его функционально-ономасиологической грамматики [35—37]. Механизм перехода языка в дискурс Г. Гийом описывал следующим образом: «Чтобы совершить акт речевой деятельности, я обращаюсь к языку, который существует в моем сознании как нечто устойчивое... Акт речевой деятельности имеет завершение в дискурсе — мимолетной конструкции моего духа, реализуемой посредством речи и вызванной мимолетной потребностью выражения» [37, с. 12]. Несмотря на то, что в этом отрывке из лекций Г. Гийома упоминаются «потребности выражения», модель акта речевой деятельности, лежащая в основе «психомеханики», не учитывает перехода внеязыкового содержания в языковую форму. Структурный аспект его ономасиологической грамматики растворен в ее функциональном аспекте. «Акт речевой деятельности — постоянно подчеркивал Г. Гийом, — есть переход языка в дискурс» [37, с. 12]. Схема данного акта обычно изображалась им таким образом:

Грамматическая теория Г. Гийома принадлежит к числу наиболее оригинальных теорий в лингвистике. Она нашла много последователей [38]. Г. Гийому удалось представить переход языка в дискурс в виде пространственно-временного механизма, результатом действия которого

является фраза. Его грамматическая модель, вместе с тем, имеет ограниченную ономаσιологическую перспективу: интерпретация языковых структур остается в ней во власти семасиологической грамматики. Это проявилось в том, что представление о языковой системе у Г. Гийома сводилось к системе частей речи, расположенных на оси «язык — дискурс». Исходя из обычного порядка слов в предложении, Г. Гийом расположил в начале языковой области имена существительные. Они приводят в действие лингводискурсивный механизм. Затем располагаются другие части речи — в порядке их иерархической зависимости. Посредине языковой области находятся прилагательные и глаголы, в ее конце — наречия. Ближе к дискурсивной области располагается предлог, который вместе с другими служебными словами завершает построение фразы. Граница между языковой и дискурсивной областями в разных языках не одинакова: в одних она ближе к языку (интрафлексивные языки), в других — ближе к дискурсу (инкорпорирующие языки). Немецкий язык ближе к инкорпорирующим языкам, чем французский. Этим объясняется обилие сложных слов в немецком языке.

Несмотря на то, что Г. Гийому удалось по-новому объяснить многие языковые явления, его теория не лишена противоречий. Основной источник этих противоречий заключен в несогласованности ономаσιологических задач, стоящих перед данной теорией, с семасиологическими средствами их достижения: языковые структуры, которыми располагает говорящий в процессе создания дискурса, интерпретировались Г. Гийомом в основном с семасиологической точки зрения. В области функционально-ономаσιологической грамматики французский ученый повторил ошибку Л. Вайсгербера, состоящую в переоценке значения семасиологической грамматики для ономаσιологической. Стремление к упразднению принципиального различия между содержательными и формальными структурами языка не имеет объективных оснований: сведение первых к последним семасиологизирует ономаσιологическую грамматику. В грамматической теории О. Есперсена, напротив, получили ономаσιологическую интерпретацию не только функциональный, но и структурный аспект ономаσιологической грамматики.

Структурно-ономаσιологический аспект грамматики представлен у О. Есперсена теорией понятийных категорий. Эта теория развивалась в дальнейшем И. И. Мещаниновым. Л. Вайсгербер расценивал понятийные категории как внеязыковые. Тем самым он хотел принизить их значение для грамматических исследований. Ни у О. Есперсена, ни у И. И. Мещанинова между тем нет ни одной понятийной категории, которые были бы выведены безотносительно к языковым средствам их выражения. В противном случае данные категории не могли бы выступать в теориях О. Есперсена и И. И. Мещанинова как ономаσιологические. Эти категории фигурируют в двух формах — объективной (предметной) и субъективной (мыслительной). Последняя из этих форм ономаσιологических категорий в процессе речевой деятельности говорящего переходит в языковое содержание (значение). Между внеязыковым и языковым содержанием нет резкой границы, поскольку в каждом из них есть противоположные элементы. Так, в мыслительном содержании имеется семантический (содержательно-языковой) момент, поскольку к описанию внеязыковой действительности говорящий подходит с особой точки зрения, которая в какой-то мере, как показал Л. Вайсгербер, задается определенным языком. Данный момент составляет субъективное начало в ономаσιологической категории. Однако в процессе создания предложения мысли-

тельные категории свободны от языковых форм, поэтому они и являются внеязыковыми. Утверждение О. Есперсена об универсальном характере понятийных категорий [24, с. 58] не отменяет связи этих категорий с языком: в любом языке имеются те или иные средства для выражения количества, времени и т. д. Связь понятийных категорий с различными средствами их языкового выражения указывает на их своеобразие по отношению к разным языкам. Так, состав понятийных категорий, связанных с морфологическими средствами современного английского языка, в той или иной мере отличается от состава понятийных категорий, связанных с морфологическими средствами их выражения в других языках [39].

Функциональный аспект ономаσιологической грамматики представлен у О. Есперсена теорией трех рангов. В основе данной теории лежит акт фразообразования, взятый главным образом на его начальной, стематической, стадии. Базовую стемму предложения в синтаксисе О. Есперсена составляют элементы трех «рангов». Первый из них представляет собою обобщение подлежащего и дополнения, второй — обобщение сказуемого и определения, третий — соответствует обстоятельствам. Каждый из данных элементов выступает как основа для объединения не только номинативных, но и синтаксических средств языка. Так, в роли подлежащего первичного элемента могут выступать не только существительные в именительном падеже или его функциональные эквиваленты, но также и различные синтаксические конструкции (например, *What you say is quite true* «То, что ты говоришь, совершенно верно»).

К сожалению, в основе теории рангов лежит не в меру абстрактное представление о реальном акте фразообразования. Это придает ей искусственный характер. Так, не получил у О. Есперсена удовлетворительной разработки вопрос о линеаризации предложения. Фактор актуального членения в процессе актуализации стеммы предложения у него по существу не учитывается. Проблема словорасположения решается в синтаксисе О. Есперсена только на уровне грамматического фактора. Но главный недостаток ономаσιологической грамматики датского ученого в целом состоит в несогласованности ее структурного и функционального аспектов: теория понятийных категорий и теория рангов не составляют единой системы, отражающей механизм речемыслительной деятельности говорящего. Не может быть признана удовлетворительной с данной точки зрения и ономаσιологическая грамматика Ш. Балли [22, 40].

Структурный аспект ономаσιологической грамматики представлен у Ш. Балли теорией идентификации. Сущность этой теории связана с систематизацией номинативных средств языка на основе иерархизации ономаσιологических категорий, которые лежат в основе этих средств. Замысел Ш. Балли состоял в том, чтобы расположить указанные средства в соответствии с предварительно установленным «понятийным языком». Он включал в него основные идеи, выражаемые в данном языке стилистически нейтральными словами. «Понятийный язык», идеографически организованный, должен составить ономаσιологическую основу для систематизации номинативных средств языка в целом.

Функциональный аспект ономаσιологической грамматики у Ш. Балли представлен теорией актуализации. С точки зрения данной теории, язык представляет собою систему виртуальных знаков, актуализация которых в речи происходит с помощью определенных средств, названных ученым «актуализаторами». В качестве основных актуализаторов во французском языке выступают окончания и служебные слова. Благодаря им языковые единицы становятся речевыми. С помощью определенных акту-

ализаторов одна часть речи может употребляться в значении другой. Это явление Ш. Балли назвал транспозицией. У него мы находим начало той теории, которую Л. Теньер определял как теорию трансляции.

В качестве базовой системы у Ш. Балли выступает предложение типа *Я думаю, что идет дождь*. Первая часть этого предложения выражает отношение говорящего к описываемой ситуации, вторая — обозначает эту ситуацию. Первая составляет «модус», вторая — «диктум». Основными компонентами базовой стеммы являются четыре ономаσιологические категории: модальный субъект (*Я*), модальный предикат (*думаю*), диктальный субъект (*дождь*) и диктальный предикат (*идет*). Наряду с «прямыми» (словесными) средствами в любом языке имеются и «косвенные» средства выражения данных категорий. Так, предложение *Я хочу, чтобы вы вышли* выражает отдельными словами каждую из указанных категорий, а предложение *Выйдите!* эксплицирует отдельным словом только диктальный предикат. Другие категории выражаются окончанием, интонацией и т. д.

В число косвенных средств выражения модальности (т. е. отношения говорящего к ситуации) Ш. Балли включал порядок слов в предложении. При этом он пользовался понятиями актуального членения, которые он называл соответственно «темой» и «поводом» [40, с. 72]. Как отмечал Ж. Мунен [41] в интерпретации темы и повода Ш. Балли не удалось избежать непоследовательности. С одной стороны, эти понятия выступают у него как эквиваленты основных категорий актуального членения, а с другой, он отождествляет их с модусом и диктумом [40, с. 46]. Данная непоследовательность связана с отсутствием четкого разграничения двух периодов в акте синтаксической актуализации — периодов стеммообразования и линейаризации. В первом случае мы имеем дело с таким состоянием создаваемого предложения, которое предполагает полную грамматикализацию его членов, во втором случае — с установлением порядка слов в предложении. Четкое разграничение двух периодов в акте актуализации предложения не позволило бы Ш. Балли перенести понятия актуального членения со второго периода на первый. Более пристальное внимание к объективной основе ономаσιологической грамматики в целом позволило бы ему создать более стройную грамматическую систему, чем это удалось ему в его работах.

В грамматике В. Матезиуса [42], как и в грамматиках О. Есперсена и Ш. Балли, представлен как структурный, так и функциональный аспект ономаσιологической грамматики [43]. Первый из них В. Матезиус связывал с выбором говорящим ономаσιологических и синтаксических средств языка из состава содержательных структур. В основе ономаσιологических содержательных структур лежат элементы действительности, описываемые в предложениях. В основе синтаксических содержательных структур лежат типы ситуаций, которые описываются с помощью предложений. В состав каждой из содержательных структур входит несколько формальных структур. Так, в состав акциональной синтаксической структуры В. Матезиус включал все предложения, которые обозначают действия. В своей совокупности они составляют синтактико-содержательную структуру, куда входят активные, пассивные и возвратные конструкции. Эти последние представляют собою формальные синтаксические структуры.

Структурный аспект ономаσιологической грамматики органически связан у В. Матезиуса с ее функциональным аспектом. В основе структурного аспекта этой грамматики лежит ситуация выбора говорящим

языковых форм из состава содержательных структур языка, систематизация которых и составляет задачу структурно-ономасиологической грамматики. В основе функционального аспекта грамматики В. Матезиуса лежит ситуация перевода говорящим языковых форм в речевые. Результатом лексической и словообразовательной деятельности говорящего является лексема. В акте морфологической номинации происходит частичная грамматикализация лексем, поскольку не все грамматические показатели обозначают объективные реалии. Так, грамматикализация прилагательных происходит в акте синтаксической актуализации, поскольку значения рода, числа и падежа являются у них лишь средством согласования с существительными.

Концепции В. Матезиуса и Л. Тенъера различаются тем, что В. Матезиус был сторонником субъектоцентрической теории стеммообразования: если на вершине стеммы предложения у Л. Тенъера находится сказуемый глагол, то у В. Матезиуса центральная роль в процессе стеммообразования отводится подлежащему существительному. Предикатоцентрическая теория фразообразования, однако, не учитывает подвижности точки зрения говорящего на описываемую ситуацию: в центре внимания говорящего может быть не только действие, но и, как выражался Л. Тенъер, «актеры» и «декорации». Между Л. Тенъером и В. Матезиусом имеются расхождения также и в интерпретации заключительного периода в создании предложения — периода установления в нем линейных отношений. При объяснении словоупорядка французский ученый исходил только из грамматического фактора, тогда как чешский исследователь учитывал и другие факторы, например актуальное членение предложения.

Итак, развитие семасиологического и ономасиологического направлений в истории грамматики не было равномерным. В античный период более развитыми оказались представления о структуре семасиологической, а не ономасиологической грамматики. В этом есть закономерность: прежде чем описать содержательные структуры какого-либо языка, необходимо выявить его формальные структуры, поскольку в состав структур первого типа входит несколько структур другого типа. Этим объясняется лидирующее положение семасиологической грамматики по отношению к ономасиологической в истории языкознания. В средневековой грамматике выдвинулся на первый план ономасиологический подход к изучению языка. Авторы модистских грамматик стремились к ономасиологической переориентации традиционной семасиологической грамматики. Однако в эпоху Возрождения на ведущее положение в грамматике вновь выдвигается семасиологический подход. Грамматические трактаты модистов XIII—XIV вв., таким образом, могут расцениваться как краеугольные камни ономасиологического направления в европейской грамматике. Именно с этими трактатами в первую очередь связано зарождение ономасиологического направления в грамматической науке, а его становление определили идеи грамматики Пор-Рояля. Благодаря ей ономасиологическая грамматика поднялась в Новое время на новую научную высоту. Однако в XIX в. наблюдается явный спад интереса к ономасиологическим исследованиям. В это время на передний план выдвигается семасиологическая грамматика, что было связано с бурным развитием в XIX в. сравнительно-исторического языкознания. Семасиологическое направление сохраняло лидирующее положение в грамматике и в XX в. Его авторитетными представителями стали структуралисты. С ослаблением их влияния на современную грамматическую науку в последние 20—30 лет стал все более и более возрождаться актив-

ный интерес к ономаσιологической грамматике. Это способствовало поиску историко-научных истоков этой грамматики. Можно предположить, что ономаσιологическую грамматику в недалеком будущем ожидает новый научный взлет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. S. 196.
2. *Кузнецов С. Н.* Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М., 1984. С. 10.
3. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
4. *Becker K. F.* Ausführliche deutsche Grammatik als Kommentar der Schulgrammatik. Frankfurt-am-Main, 1836. S. 4.
5. *Ries I.* Was ist Syntax? Marburg, 1894. S. 9.
6. *Даниленко В. П.* Историко-лингвистическое обоснование функциональной грамматики Вилемом Матезиусом // Вестник ЛГУ. Сер. яз. и лит.-ры. 1985. № 16.
7. *Bursill-Hall G. L.* Speculative grammars of the Middle Ages. The Hague — Paris, 1971. P. 38.
8. *Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. С. 73.
9. Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. Фрейденберг О. М. М.—Л., 1936.
10. *Thomas of Erfurt.* Grammatica speculativa. An edition with translation and commentary by Bursill-Hall G. L. L., 1972.
11. *Scaliger I. C.* De causis linguae Latine. Lyons, 1540.
12. *Arnould A., Lancelot C.* Grammaire générale et raisonnée. P., 1754.
13. *Restaut M.* Principes généraux et raisonnés de la grammaire française. P., 1730.
14. *Silvestre de Sacy A. J.* Principes de grammaire générale. P., 1799.
15. *Sicard R. A.* Éléments de grammaire générale. Moscou, 1807.
16. *Beauzée N.* Grammaire générale. V. I—II. P., 1767.
17. *Dumarsais C. C.* Logique et principes de grammaire. P., 1769.
18. *Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. P., 1965.
19. *Batteux Ch.* De la construction oratoire. P., 1763.
20. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
21. *Weil H.* De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes. P., 1869.
22. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
23. *Brunot F.* La pensée et la langue. P., 1922.
24. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 32—33.
25. *Mathesius V.* Nové proudy a směry v jazykovědném bádání // Z klasického období Pražské školy 1925—1945. Praha, 1972. S. 5—17.
26. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов / По ред. Метс Н. А. М., 1985.
27. *Бондарко А. В.* Основы построения функциональной грамматики // ИАН СЛЯ. 1981. № 6. С. 493.
28. *Бондарко А. В.* К системным основаниям концепции «Русской грамматики» // ВЯ. 1987. № 4. С. 3—4.
29. *Arrivé M.* De F. Brunot à K. Togeby: regards sur quelques grammaires // Langages. 1967. 7. P. 38.
30. *Гак В. Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики / Под ред. Ярцевой В. Н. М., 1985. С. 15.
31. *Weisgerber L.* Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen. Düsseldorf, 1963.
32. *Weisgerber L.* Zweimal Sprache. Düsseldorf, 1973. S. 159.
33. *Weisgerber L.* Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962.
34. *Rozwadowski J.* Wortbildung und Wortbedeutung. Heidelberg, 1904.
35. *Guillaume G.* Structure sémiologique et structure psychique de la langue française. P., 1971.
36. *Guillaume G.* Psycho-systématique du langage. P., 1971.
37. *Guillaume G.* Grammaire particulière du français et grammaire générale. P., 1973.
38. *Wilmet M.* Gustave Guillaume et son école linguistique. P., 1972.
39. *Jespersen O.* Essentials of English grammar. L., 1933.
40. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
41. *Mounin G.* La notion de prédicat chez Charles Bally // La linguistique. 1984. V. 20. № 2. P. 10.
42. *Mathesius V.* Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. Praha, 1961.
43. *Даниленко В. П.* Ономаσιологическая сущность концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса // ФН. 1986. № 1.